

УДК 327.8.001[(470+571):(447)]

П. А. Синовец

кафедра міжнародних відносин ІСН ОНУ ім. І. І. Мечникова
к. 32, Французький б-р, 24/26 г. Одеса, 65058, Україна
тел.: (0482)63 32 59, e-mail: polashkas@gmail.com

РОЛЬ РОССИИ В УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ 2014 ГОДА: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ СДЕРЖИВАНИЯ

В статье анализируется участие Российской Федерации в украинском кризисе 2014 года, а также влияние последнего на практику ядерного сдерживания. В частности, основное внимание уделено анализу рациональности/предсказуемости российского лидера, а также его мотивации относительно Украины. Данное исследование осуществляется на основе отдельных элементов теории сдерживания, что позволяет глубже проанализировать указанные моменты и осуществить прогноз возможностей, а также предложить рекомендации относительно будущих действий Украины.

Ключевые слова: сдерживание, рациональность акторов, мотивация.

Одним из наиболее актуальных эпизодов 2014 года, без сомнения, является оценка роли Российской Федерации в украинском кризисе, в частности, как мотивации российского руководства, так и вытекающей возможности в дальнейшем влиять на российское поведение путём вводимых международным сообществом санкций, для чего отдельные элементы теории сдерживания представляют собой оптимальный инструмент.

На сегодняшний день и теория, и практика сдерживания явно недооцениваются, особенно в контексте общей теории влияния. С одной стороны, теория сдерживания предоставляет оптимальную методологию оценки поведения участников конфликта, с другой, события 2014 года продемонстрировали практическую актуальность ядерного сдерживания на доктринальном уровне и на сегодняшний день.

Таким образом, целью статьи является анализ участия России в украинском кризисе в контексте отдельных элементов теории сдерживания, а также в укреплении позиций ядерного сдерживания, как политики в современном мире.

Теория сдерживания активно исследовалась в американской политологии в течение всего периода «холодной войны», в частности, речь идёт о применении некоторых результатов исследований в области экономической теории, бихевиоризма, в частности концепций рациональности и ожидаемой полезности. Речь идёт о работах таких классических теоретиков сдерживания, как Т. Шеллинг [1], Б. Де Мескита [2], Д. Каннеман и Б. Тверски [3] и др. Данная традиция получила некоторую преемственность и у современных американских учёных, в частности, в работах В. Даниловича [4], Д. Пресса [5], и Ф. Загаре [6], а также в статье М. Джанссона [7], кото

рый говорит о возможностях применения методологической базы сдерживания в разрешении конфликтов.

Куда слабее методология сдерживания в целях разрешения современных конфликтов рассмотрена в работах других иностранных исследователей. В данной области следует, однако, отметить работы российского исследователя Ю. Печатнова [8], связавшего понятия «теории проспектов» со стратегическим сдерживанием, а также армянского исследователя С. Минасяна [9], который рассматривает Карабахский конфликт в рамках классической теории сдерживания.

Переходя к нашему исследованию, целесообразным представляется рассмотрение следующих вопросов:

- а) сущность теории сдерживания в контексте предмета данного исследования;
- б) рациональность российского руководства и, соответственно, возможность влияния на его решения путём внешнего давления;
- в) мотивационная составляющая действий России относительно Украины, которая существенным образом поясняет предыдущий вопрос;
- г) перспективы и степень активного противодействия Запада вмешательству России в украинский кризис.

Итак, в данном контексте наиболее оптимальным определением сдерживания как элемента общей теории влияния представляется следующее: «ситуация, при которой одна из сторон угрожает другой возмездием в случае осуществления последней некоего нежелательного действия. В ситуации «основного» сдерживания объектом такого нежелательного действия является территория сдерживающего государства (в дальнейшем «защитника»), в то время как при «расширенном» сдерживании объектом становится третья сторона (в дальнейшем, «протеже») [4, р. 101].

При этом принято считать, что участники системы сдерживания рациональны, в смысле их адекватного восприятия угроз и соответствующей реакции на них.

В данном случае мы рассмотрим возмездие не в военном смысле, но как сумму экономических рычагов, которые в целях воздействия на поведение России пытается применить Запад, а точнее США и Европейский Союз. Поводом для введения санкций против Москвы стала аннексия украинского Крыма, а также дальнейшие действия России по дестабилизации ситуации на востоке Украины, в частности, поддержка террористических формирований ДНР и ЛНР, а также не признаваемая официальной Москвой отправка российских вооружённых контингентов для поддержки этих формирований. Соответственно, в роли «защитника» в данном случае выступает Запад, «протеже» — Украина, а «агрессора» — Россия.

С самого начала кризиса аннексия Крыма, а также дальнейшие действия России в Украине для многих поставили вопрос о вменяемости и рациональности российского лидера. Дестабилизируя восточные регионы Украины, Москва фактически ставит на кон возможность эффективного сотрудничества России с Европой и Америкой не только в области контроля над вооружениями, но и в экономике, политике, социальных вопросах.

Санкции, накладываемые на РФ, охватывающие финансовый, военный и энергетический сектор России, а также замораживающие инвестиционную политику Запада, не только существенно подрывают позиции рубля, но и ставят ряд препятствий на пути развития российской экономики. Данные меры, предпринятые Западом, представляют собой попытку сдержать действия РФ по поддержке дестабилизации восточных регионов Украины, равно как и финансовую поддержку Москвой террористических формирований, действующих в этом регионе.

В ответ, несмотря на многократные заверения в своей заинтересованности в урегулировании конфликта, Россия не только продолжает, но и недвусмысленным образом наращивает степень военного вмешательства в украинские дела. Такой ход событий, и в частности, готовность пожертвовать благосостоянием собственной экономики во имя «украинского вопроса» нередко провоцирует обвинение российского руководства в иррационализме и неадекватности.

Показательной в данном ключе является характеристика канцлера Германии А. Меркель, данная российскому президенту после телефонного разговора с ним. В своей беседе с американским президентом Б. Обамой Меркель отметила, что Владимир Путин «утратил связь с реальностью» и «находится в другом мире» [10]. Данный комментарий вызвал панику во всём мире, поскольку лидер ядерной сверхдержавы, оценивающий реальность неадекватно, фактически не сдерживаем не только экономическими, но и никакими другими угрозами, и является опасным не только для непосредственного объекта агрессии, но и для всего мира. Вопрос о том, кто станет следующим объектом агрессии, вот уже несколько месяцев беспокоит не только традиционно уязвимые перед Россией страны Балтии, но и НАТО в целом.

Таким образом, рассмотренный на уровне теории вопрос о рациональности российского руководства представляет собой ценность не только для Украины, как объекта российского вмешательства, но и для государств НАТО.

В изучении данной проблемы целесообразным представляется выяснение научной сущности понятия «рациональность». По этому вопросу в науке не существует единого мнения, однако относительно урегулирования конфликтов наибольшее количество комментариев относительно понятия «рациональность» было сделано в рамках теории сдерживания. В частности, Сидней Верба определяет рациональность как «умение субъекта принимать объективные политические решения, основанные на чёткой беспристрастной оценке соотношения целей государства и средств их достижения, а также, внимательном изучении всех возможных путей решения проблемы и тщательном взвешивании всех «за» и «против» [11]. В данном случае присутствует некая идеализация понятия «рациональность», которая нередко ведёт к тому, что рациональный участник отождествляется с компьютером, способным на проведение чётких и беспристрастных оценок и, соответственно, в дальнейшем критерий оценивания ориентируется на модель, далёкую от реальности. Очевидно, что данное определение резо-

нирует с практическим поведением государств в конфликтных ситуациях и полностью противоречит нынешним действиям России относительно Украины.

В противовес приведенному выше определению ряд учёных предлагает более практическую интерпретацию рациональности, так называемую «инструментальную рациональность», где рациональный актор определяется как «при наличии двух альтернатив... выбирающий ту, которая влечёт за собой более предпочтительный результат» [12, р. 95]. В данной ситуации следует ответить на вопрос — какой результат более предпочтителен для президента Путина — сохранение стабильной российской экономики или же её достаточно медленное разрушение в условиях консолидации общества вокруг руководства государства и сохранение российского влияния в Украине. Следует отметить, что украинский кризис во многом сплотил российское общество, повысив рейтинги Путина до 90 %, и при этом позволил списать все экономические сложности государства на враждебные действия Запада.

Важным в этом смысле представляется уточнение понятия рациональности, предложенное Бюсом Буэно Де Мескита. Согласно мнению учёного, рациональным является «тот актор, который сравнивает варианты и применяет их согласно собственным предпочтениям» [2, р. 30]. Поведение Путина вполне соответствует такому определению, поскольку открыто демонстрирует предпочтения российского лидера. Основной ошибкой Запада, говорит Алексей Арбатов, стало непонимание того, что для России Украина значит куда больше, чем Литва или Грузия. «Для России Украина — это скорее внутренний вопрос» [13]. Указанный тезис демонстрирует полное отсутствие у российских политических элит восприятия Украины как независимого государства, агрессия против которого способна дорого обойтись российской экономике и общим позициям в мире.

Подобное поведение хорошо объясняется с точки зрения «теории проспектов» Д. Каннемана и А. Тверски. Авторы данной теории отмечают, что в конфликтных ситуациях стороны готовы пойти на неизбежные риски и понести существенные издержки, дабы предотвратить потери более в ценных и важных сферах [3, р. 266]. То есть риск экономического спада для Москвы был несопоставим с потенциальной утратой влияния на Украину. В процессе принятия решений потенциальный «агрессор» учитывает не только потенциальные риски и издержки совершения им действий, но и, что немаловажно, также и потенциальные последствия своего бездействия. В данном случае основным риском бездействия для России мог стать уход Украины в сферу геополитического влияния Запада, а именно ЕС и НАТО.

Кстати, по мнению Б. де Мескиты, популярным заблуждением является отождествление понятия «рациональность» с «нормальностью». Действительно, если большинство нормальных людей рациональны, то не все рациональные люди отличаются нормальностью. В качестве примера приводя Гитлера, де Мескита отмечает, что тот был вполне рационален, хотя его действия и идеи отличались патологическими отклонениями. Рациональность, прежде всего, предполагает использование стратегии максимизации

собственных преимуществ. В данном случае речь идёт не о сущности преференций субъекта, но о том пути, который он использует для их достижения. Кроме того, Мескита отвергает тезис о том, что рациональность синонимична объективности, поскольку она, опять же, зависит от характера предпочтений и ценностей субъекта, которые никак не могут быть универсальными. Ещё одной ошибкой, по мнению учёного, является мысль о безошибочности предпочтений, прежде всего потому, что любой субъект может ошибаться. Рациональность предполагает, что её носитель делает то, что, по его мнению, является наилучшим в данном случае, и оно может существенно отличаться от того, что объективно лучше на самом деле [2, р. 32]. Таким образом, отождествление рациональности с объективностью является ошибкой, которая ведёт за собой искажённую оценку оппонента вместо того, чтобы адекватно определить причины и сущности его предпочтений и, соответственно, воздействовать на него уже исходя из последних.

В основе ответов на эти вопросы лежат такие факторы, как интересы и мотивация государства. Эти понятия нередко считают синонимичными, что не совсем верно. Если мотивация представляет собой совокупность факторов, детерминирующих поведение, то интересы, соответственно, являются одним, пусть и важнейшим её элементом. В числе прочих значительную роль играет цена, которую государство готово заплатить за достижение собственных целей.

Теория «ожидаемой полезности» проводит непосредственную связь между высокой ценой войны и стремлением разрешить спор дипломатическим путём. «Ожидаемая полезность» в данном случае рассчитывается как некая резюмирующая соотношения затрат и приобретений, полученных в результате войны [2]. Соответственно, агрессора реально сдержать в том случае, если стоимость войны превысит размеры приобретений, которые он рассчитывает получить при развязывании агрессии. Пока что уровень санкций, поддерживаемых Западом против России, с точки зрения потенциального ущерба является для России куда более приемлемым, нежели утрата Украины и возможное приближение рубежей НАТО к российским границам. Успешное сдерживание «агрессора» предполагает, что заинтересованность «защитника» в «протее» куда выше, чем заинтересованность в нём «агрессора». Классический пример — ценность Западной Европы для США, которая предстаёт не только ключевой зоной политического влияния и экономического интереса, но и союзником, вовлечённым в поддержание взаимной безопасности. Той же и даже, вероятно, большей ценностью (учитывая исторически длительное пребывание в составе Российской империи, а потом и СССР и весьма близкие культурные, ментальные, этнические и лингвистические характеристики обоих народов) для России является Украина.

Фактор мотивации в пояснении основ функционирования политики сдерживания особо выделяется П. Морганом, отмечающим, что «сдерживающая сторона способна контролировать ситуацию лишь в том случае, если мотивация противника является достаточно низкой» [14, р. 239]. Так, санкции Запада пока что демонстрируют неэффективность с точки зрения

оказания влияния на поведение России в украинском вопросе. В рамках процесса сдерживания ключевой для «защитника» предстаёт задача убедить «агрессора» в том, что спасение «протеже» является для него безальтернативным вариантом. Нынешняя ситуация в рамках треугольника Россия — Украина — Запад, является обратным подтверждением данного тезиса. Россия демонстрирует безальтернативность своих интересов в Украине, в то время как Запад и, прежде всего, США, для которых Украина никогда не входила в сферу жизненных интересов, предельно осторожны и сдержанны в своих попытках воздействия на Россию.

Наглядно демонстрирует данный пример так называемая «кривая убедительности», выведенная К. Б. Джойнтом и П. Е. Корбеттом. Кривая убедительности «начинается с обороны собственной территории государства, постепенно снижается в области чётко очерченных сфер влияния или территории союзников и затем сводится к нулю там, где речь идёт о защите прочих интересов» [15, р. 27]. А поскольку Украина — это сфера жизненных интересов России, в то время как для Запада она относится к «прочим интересам», убедительность российского военного присутствия в этом регионе значительно выше, нежели потенциальная вероятность активного вмешательства Запада.

Таким образом, российские действия относительно Украины не только рациональны, они обусловлены жизненными интересами Москвы, что, соответственно, должны понимать и Запад и Украина в выработке стратегии разрешения украинского кризиса. Предпринятые против России умеренные экономические санкции в данном случае являются не механизмом сдерживания российского вмешательства в украинский кризис, но наказанием Москве. Разница заключается в том, что если сдерживание призвано предотвращать определённое поведение, то наказание, имеющее лишь ситуативный, секторальный характер, может оказать противоположное воздействие на «агрессора». Принципиальный вопрос заключается в том, способен ли Запад продемонстрировать России эффективную тактику не наказания, но сдерживания, т. е. попытаться воздействовать на Москву угрозой, исполнение которой было бы для России более неприятным, нежели дрейф Украины на Запад?

В качестве альтернативных сценариев может быть предложено два варианта — всеобъемлющее эмбарго на поставку российских нефти и газа либо военная помощь Украине со стороны НАТО.

Первый вариант, как одобренная ООН стратегия, невозможен, в силу присутствия России как постоянного члена СБ ООН. Кроме того, он обладает довольно низкой убедительностью в глазах Москвы, поскольку даже страны ЕС достаточно зависимы от российского газа и переориентация на другие рынки — это вопрос не столько времени, сколько абсолютного единства политической воли, которой в ЕС не наблюдается. Во всяком случае, до степени, необходимой для отказа от российского газа в целом.

Второй вариант проблематичен в силу наличия у России мощного ядерного потенциала и стратегии, направленной на предотвращение вмешательства третьих сил в конфликты у её границ.

Следует отметить, что Военная доктрина 2010 года предусматривает применение ядерного оружия в достаточно узком формате, в частности, в ответ на конвенционную агрессию лишь в том случае, если на карту поставлено само существование государства [16]. В то же время в документе имеется одна «лазейка», а именно ссылка на основные положения Военной доктрины РФ от 2000 года, в которой возможности применения ядерного оружия представлены более широко. В частности, согласно этому документу: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях» [17]. При этом понятие критичности ситуации отдаётся на откуп Президенту России, который принимает окончательное решение об осуществлении ядерного удара.

К тому же Военная доктрина 2000 года в качестве одной из основных задач своих вооружённых сил видит удержание локальной войны от её перерастания в региональную, в которой Москва оставляет за собой право применять стратегические вооружения. Таким образом, нынешняя относительная пассивность НАТО и США в кризисе вокруг Украины и в давлении на Российскую Федерацию обусловлена пониманием возможности использования российских ядерных сил в целях деэскалации военных действий. К примеру, любой, даже самый небольшой, контингент Североатлантического Альянса, который вмешается в конфликт, может быть расценен Москвой как расширение войны до уровня региональной и случай, «критический» для российской национальной безопасности, что открывает ворота для свободной интерпретации возможностей к локальному применению ядерных вооружений. Локальному — в целях деэскалации конфликта и «предотвращения вовлечения других государств в войну».

Именно поэтому НАТО сегодня ведёт себя весьма осторожно во всём, что касается помощи Украине в военном конфликте, который инспирируется и поддерживается силами РФ. Причиной такой осторожности в значительной степени является осознание того, что любой жест Альянса Москва способна воспринять как *casus belli*, что потенциально способно привести к перерастанию конфликта с конвенционного уровня на ядерный. А в данном случае позиции Запада как «защитника» в том, что касается мотивации, целиком и полностью уступают мотивации Москвы в её стремлении защитить свою историческую сферу влияния.

Таким образом, делая вывод относительно данной работы, хотелось бы отметить следующее:

1. Действия Российской Федерации относительно украинского кризиса носят целиком рациональный характер, что обусловлено высокой степенью заинтересованности Москвы в сохранении Киева в сфере своего влияния и одновременно пониманием того, что для Запада Украина представляет значительно меньшую ценность.

2. Действия Запада в попытке сдержать Россию путём секторальных санкций имеют достаточно низкую эффективность сравнительно с поставленными на карту интересами Москвы в регионе и, соответственно, в краткосрочной перспективе обладают низкой эффективностью, действуя на руку пропагандируемой российским руководством антизападной риторике. Возможно, в долгосрочной перспективе они принесут свои плоды, однако в этом случае санкции следует рассматривать не как механизм сдерживания России, но как международный прецедент наказания государству, в одиночку поправшему основы международного права.

3. Вероятность военной помощи Запада, на которую периодически рассчитывает руководство Украины — вплоть до разговоров о принятии в НАТО либо заключении двухстороннего оборонного соглашения между США и Украиной, — является достаточно низкой. Причиной этого вполне обоснованно можно считать недвусмысленно заявленную готовность России применять ядерные вооружения в целях деэскалации военного конфликта либо же вмешательства в него других государств. Последнее как нельзя лучше демонстрирует актуальность политики ядерного сдерживания, которая после окончания «холодной войны» считалась устаревшей в силу несоответствия духу времени.

4. Любые перспективы эффективного урегулирования украинского кризиса связаны с необходимостью диалога с Российской Федерацией и выработкой взаимоприемлемого разрешения конфликта, что означает не следование в фарватере интересов Москвы, но, по возможности, учёт ключевых заботченностей РФ относительно Украины.

Список использованной литературы

1. Schelling T. Strategy of Conflict/Thomas Schelling. — Harvard: Harvard University Press, 2006. — 315 p.
2. Bueno de Mesquita B. The War Trap/ Bruce Bueno de Mesquita. — Yale: Yale University Press, 1981. — 223 p.
3. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk/Daniel Kahneman, Amos Tversky // *Econometrica*. — 1979. — № 2 (Vol. 47). — P. 263—292.
4. Danilovic V. Conceptual and Selection Bias Issues in Deterrence/Vesna Danilovic// *The Journal of Conflict Resolution*. — 2001. — Vol. 45, No. 1. — P. 97—125.
5. Press D. G. Calculating Credibility: How Leaders Assess Military Threats/ Daryl G. Press. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. — 218 p.
6. Zagare F. Rationality and Deterrence/Francis Zagare // *World Politics*. — 1990. — Vol. 42, 2. — P. 238-260.
7. Jansson M. Seeing Deterrence through the Lens of Conflict Resolution/Mark Jansson. — [Electronic resource]. — Mode of access: <http://csis.org/images/stories/poni/111007>. — Title from the screen (August 17, 2014).
8. Печатнов Ю. А. Теория проспектов: возможности и перспективы применения для исследования механизма силового стратегического сдерживания от развязывания военной агрессии / Ю. А. Печатнов // *Военно-техническая политика*. — 2012. — № 2 (12). — С. 21-29.
9. Минасян С. Силовая политика в Карабахском конфликте: дихотомия сдерживания и принуждения / С. А. Минасян // *Двадцать первый век*. — 2012. — № 3(23). — С. 25-52.
10. NYT: Меркель пожаловалась Обаме, что Путин «потерял связь с реальностью» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/892186>. — Название с экрана.

11. Verba S. Assumptions of Rationality and Non-rationality in the Models of International System / Sydney Verba // The International System Theoretical Essays / Ed. By K. Knorr, S. Verba. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961. — P. 93—117.
12. Luce D. R., Raiffa H. Games and Decisions: Introduction and Critical Survey / D. R. Luce, H. Raiffa. — New York: Wiley, 1957. — P. 50.
13. Інтерв'ю автора с Алексеем Арбатовым, 4 сентября 2014 года // EU Nonproliferation Consortium, Brussels, September 4—5.
14. Morgan P. M. Deterrence Now / Patrick Morgan. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 331 p.
15. Joynt C. B., Corbett P. E. Theory and reality in the World Politics / Carey B. Joynt, Percy E. Corbett. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1978.
16. Военная доктрина российской Федерации — 5 февраля 2010 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461. — Название с экрана.
17. Военная доктрина российской Федерации — 21 апреля 2000 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ng.ru/politics/2000-04-22/5>. — Название с экрана.

Статья поступила в редакцию 15.09.2014

П. А. Сіновець

кафедра міжнародних відносин Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова
к. 40, Французький бул. 24/26, 65058, м. Одеса, Україна

РОЛЬ РОСІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ КРИЗІ 2014 РОКУ: АНАЛІЗ

І ПЕРСПЕКТИВИ СТРИМУВАННЯ

Резюме

У статті аналізується участь Російської Федерації в українській кризі 2014 року, а також вплив останньої на практику ядерного стримування. Зокрема, основну увагу приділено аналізу раціональності / передбачуваності російського лідера, а також його мотивації щодо України. Дане дослідження здійснюється на основі окремих елементів теорії стримування, що дозволяє глибше проаналізувати зазначені моменти і здійснити прогноз можливостей, а також запропонувати рекомендації щодо майбутніх дій України.

Ключові слова: стримування, раціональність акторів, мотивація.

P. A. Sinovets

International Relations Department of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National University
r. 40, 24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058, Odessa, Ukraine

**THE ROLE OF RUSSIA IN THE UKRAINIAN CRISIS OF 2014:
DETERRENCE/COERSION ANALYSIS AND PERSPECTIVES**

Summary

The article analyzes the participation of Russian Federation in the Ukrainian crisis of 2014, as well as the influence of the later at the nuclear deterrence practice. In particular, special attention is dedicated to the rationality / predictability of the Russian leader's actions as well as his motivation towards Ukraine. The research is based at the certain elements of the deterrence theory, giving the possibility to give a deeper overview of the the situation and to forecast the possibilities to resolve the crisis in Ukraine.

Key words: deterrence/coercion, actors' rationality, motivation.